

Станислав Радкевич

АВГУСТ-91 ДО И ПОСЛЕ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSC 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Станислав Радкевич 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-025-2

Содержание

ЛОМ

РАССКАЗЫ

Зеленый Ленин

Прощай, наблюдатель!

Охота на архипелаге

Секс и смерть

Четыре капитана

Главный вопрос жизни

Ненависть к отцу

Модель

Чахамби

Я

Водка

Шарик

Дауншифтер

Счастье

ЛОМ

1

– Тор-р-ропишься, сержант, – пророкотал генерал Щур. – Подожди тридцать секунд и попробуй еще.

Уазик взбрыкнул и зябко затрясся.

Заминка на старте – к добру или к худу? Загогулина сержантского носа, торчащая из-под рыжих бровей, была знакома Щуру. Водила уже где-то возил его, причем вот так же, по «южному варианту»: то ли в Тбилиси, то ли в Баку... А теперь? Это «теперь» болталось как дохлый ломтик луны в мути старой заварки. Но командир не наорал, и солдат не стушевался. Первую напасть худо-бедно одолели. Так что Бог не выдаст – свинья не съест.

В логово полка уазик влетел, как искра в цилиндр. Разом вздрогнуло, пыхнуло, дизели выверелись, фары ударили крест-накрест... Но бессмысленный хаос на глазах образовывал эротику порядка. Рычащие БМД одна за другой наращивали походный строй, который твердо входил в вагину тульской улицы.

– ...Будет что по обстановке – радируй немедленно, комдив. А пока, Саша, помолчим от греха.

Щур вернул гарнитуру невидимому офицеру связи, сопевшему за спиной, подумал: «Закусываешь луком – запивай водкой». Но при сержантах – водителе и охраннике – негоже было чмырить лейтенанта или старлея – кто он там есть.

Щур покомпактнее сгруппировал петровские руки и ноги в узилище уазика и прикрыл глаза, хороня их от редких, но точных, как ночные очереди *духов*, встречных фар. Третьи сутки подряд начальство испытывало генерала на сопротивляемость бардаку. Информации – минимум, одни приказы. Отпуск отставить, дивизию снарядить, опергруппу создать. Из себя одного? Со стороны минобороновских аксакалов – нормальный ход. Но Грачев? Пашка? Ведь столько говна сжевали вместе... Как своему заму хотя бы мог намекнуть: дескать, выдвигаешься туда-то, мочишь-то того-то. Чтобы командующий ВДВ да не знал про «южный вариант»? Или тут какой «северный»? Или еще какой? Знает. Молчит. Ссыт.

Перед уазиком мерно раскачивался крапчатый круп БМД комбата-2. Ровное урчание бронеколонны умиротворяюще дейст-

вовало на Щура. Приказ опергруппе дословно зафиксирован в журнале учета: стянуть три дивизионных полка в Тушино, к Москве. Что еще надо? Ну, конечно, не ясно, *зачем* все это. А зачем вообще *все*? То-то и оно, товарищ генерал...

Вдруг придушенный бубнеж программы «Время» стали забивать звуки улицы: улюлюканье ли, вопли ли...

– Рамадан досрочно? – Комендант Щур мощно вытолкнул себя из кресла, за ним стаей снялись чины пониже.

У телевизора остались, застыв, только армянка-дежурная по райисполкому да девочка-военфельдшер. Кошмарные кадры множило: кружение желтой пыли над развалинами, мечущиеся люди, невесть кем нагороженная груда гробов. Армянский Спитак после землетрясения.

– Обстановка? – бросил Щур вывернувшись сбоку заму.

– Сами видите... – малорослый майор привычно зачастил речитатив доклада и вдруг осекся. Растерянно повторил: – Сами видите...

Баку, с которым Щур вроде уже сжился, больше не было. Нависшая над райисполкомом девятиэтажка дрожмя дрожала от восторженного воя жильцов-азербайджанцев. Из окон летели пустые бутылки, плавно отплывали во тьму ало полыхающие газеты, сыпался мусор. А в переулке все кружилась, кружилась, по-вороньи взмахивая руками, старуха в черном. То ли делирий, то ли лезгинка...

– Тварищ генерал, вас шестой вызывает! Тварищ генерал, шестой! Тварищ генера-а-ал...

Гарнитура, как клубок перекасти-поля, прыгала перед глазами. Спросонья Щур запутался в проводах. Водитель-сержант уравновесил на закорючке носа темные очки. Белое августовское солнце низко плыло над приокскими лугами.

– Ты что, КВН репетируешь, Саша? – вдруг зарокотал генерал. – Какая еще КЧПЧ?

Сержант три раза умер, пока не допер, что это Щур грохочет не на него, а в микрофон. Уазик едва не поцеловал задницу передней БМД. Вместе со всеми генерала кулем бросило на лобовое стекло. Но он по-прежнему грозно рокотал – то ли для неведомого Саши на том конце провода (для комдива, что ли?), то ли (но это-то уж зачем?) для сидевших в уазике. «И вправду дела херовые», – вдруг подумал Сашка-сержант, – «раз сам Щур обосрался...»

– Слезай, Щуря, ну слезай же! – мельтешился Кешка, подошвой сандалета влепляя Лехе то по макушке, то по уху.

– Да подожди ты...

Второй хлопок застал разведчиков на полдороги к земле. Кто-то будто палкой ткнул в верхушку тополя, Лехе за шиворот сразу посыпалась колкая труха коры. В прогал между ветвями он в последний раз увидел – и на всю жизнь запомнил – *площадь*: ослепительно-белый на солнце начальственный дом с красным флагом над колоннами, легкую голубую дымку, плывущую со степным ветром вдоль строя солдатиков, ярмарочное коловращение новочеркасского народа, покуда еще недоумевающего...

– Да быстрее же, Щуря, слезай, миленький, ну прошу тебя!

– Щас, Кеш, щас. Да не дрейфь ты. Ну, кто нас тут увидит?

Дворовая топтаная трава как родного приняла Леху – и тут же громыхнул новый залп. От площади пацанов теперь закрывал глухой забор. Но Леха все слышал: и как заблажила женщина, и как вразной ревел ребяшня, и как всех страшнее – резаным боровом – взвизжал мужичище. А потом защелкали одиночные выстрелы, и все звуки за забором смешались, образуя все разрастающийся не то стон, не то вой.

Кешка спрыгнул прямо в подставленные Лехой руки. Он оказался тяжеленный – не удержать, и разведчики кубарем раскатились по траве. Леха сразу вскочил на четвереньки и наострился дать деру. Но Кешка преспокойно лежал себе под кустиком красной смородины – с закрытыми глазами, будто прикрнул в теньке.

Уже не живой...

«Как война – так братцы, а как мир – так сукины сыны», – сумрачно размышлял Щур. – «Ведь год назад мы все это проходили уже. Сегодня комвожди призвали тебя в Москву «навести порядок», а завтра растреляют, что ты спяну вывел войска против народа. Ну, с вождями-то все ясно – иуды. А ты-то что, так всегда и будешь – *христосик?*»

Москва без ликования встречала освободителей. Советская армия, по наблюдениям Щура, тут и там являла вопиющие образцы бестолковщины. По обочинам шоссе робко, по-деревенски, лепились кучки танков и бронетранспортеров; бледный лейтенантик, торчащий из люка, испуганно косился на пролетающих по направлению к столице ухарей-дальнобойщиков. Зачем тебя пригнали в город? С кем будешь взаимодействовать? Что вообще делать по жизни? Не знаешь? Так на кой же хер ты нужен, такой командир?

– Товарищ командующий? Докладываю: я у въезда на МКАД. Рязанский полк на подходе, костромской аналогично. Решение? Выйти на Тушино, развернуть все связи по полной схеме, принимать полки на себя. А дальше-то что, Паша? Не понял. Понял. Есть.

Продаст. Выйдет что путное, все лавры ему. Не выйдет – все говно мне. Но что ему дадут эти... новые? Замминистром назначат? Подвешат цапку лишнюю? И весь сабантуй?

Так разве наш Пашок на большее претендует? Звезда героя и замминобороны – предел мечтаний. Или они там с Язовым уж меж собой сговорились? Скажем, дед теперь член этого, ГЧПК, а Пашка – министр обороны. Да нет, куда там нашему Пашку... Там, на олимпиах, еще такие динозавры разгуливают – Варенников, Ахромеев. Да и помоложе есть ерои. Тот же Ачалов Владимир Андреич. Или Громов: не навек же «афганца» к ментам.

Хотя теперь-то, наверное, и ментура оживет. Одних тюряг новых понаставить да вертухаев туда наwerbenовать... За рубежами -то, бывалоча, стадионы запользовали. Ан нет, врите, пиночеты. У советских собственная гордость. Полна, вон, Сибирь лагерей. Там всем место найдется: и дерьмократам, и либерастам.

Уж покуражились над державой... Хуже нет, чем оборзевший шпак. Чего хотят-то – сами ведают ли? За Садовое кольцо хоть раз нос высовывали? Что за зверь колхоз – знают? Ведь распадется Союз – конец всему. Что там армяшка против азера... русский на хохла пойдет. Миллионы народу в землю заруют. Часть – живьем. Вот – ужас...

Врите, гады. Жива армия – жива Россия. А сядем в Кремле – всех рассудим: правда, она себе дорогу пробьет. И уж тогда каждому воздастся: и Горбатову, и Елкину, и нардепам-говорунам, и писакам-засранцам. Всем сестрам по серьгам.

2

– Ось, просыпайся! Переворот! Горбачева свергли!

Скорее схорониться в склеп постели. Не быть. Там, в плавнях полудремы, голубит покуда материнская утроба. Здесь сквозь жимолость уж брызжет-жжет божок-солнце. Будь! Вставай, гражданин! Так – слово сказано. Но не Бог.

– Янаев – вице, Павлов – премьер, Язов – армия. Горбачев им верил, а они... Ни капли совести у людей!

– Да подожди ты, ма. Мало ли чего... Ничего чего-то не пойму... Откуда ты узнала-то?

– Да по радио. Включила новости послушать, а там... А я им не верю, вот! Вот они сообщают, что Горбачев в Форосе, и что-то у него там со здоровьем не то. Не то... Это они с ним сделали что-то. А ведь он там с семьей отдыхал – с Раисой. Да и не с внучкой ли еще, чего доброго? Она ж ребенок. Ребенка-то – за что? Нет, они не люди – нелюди!

– Ты хоч щекунду помолчишь? – щетка с соленым «Поморином» то так, то эдак распирала рот оратору.

– Да еще Крючков этот, кэгэбист, иуда...

– Все-таки решились! – под ударами руки стержень рукомыльника яростно влетал внутрь по самую пипку. – Не решатся все-таки, я думал. – Вода отскакивала во все стороны ото лба логика. – Нормальных-то мужиков – Шеварднадзе, там, Яковлева – всех разогнал.

А остался-то с кем? Сцена: в третий раз через нардепов пропихивают Янаева в вице-президенты. Зудение зала: «А со здоровьем у вас как?» Прибаутка трибуны: «Жена не жалуется». Постановили: прибаутчик. Пускай побудет.

– Да тихо вы! – выпрыгнула из кухни мать.

Протокины – Ось и его отец – мигом разбежались по углам: старший – в красный, младший – в синий. Дрыгоногих лебедят согнала с экрана тень отца диктора. Схватив полузасохший стержень, Ось пошел рвать в ключья кляклую салфетку.

– Все за них! Правительство, армия, КГБ... – Мать заплакала. – А эти... Тизяков – директора заводов, Стародубцев – председатели колхозов...

– Пореви, пореви. – Отец, не отрываясь, смотрел в экран.

В луче солнца с лугов томительно проворачивалась бронуновская пыль светелки. Ось пробежал каракули на салфетке: *...ввод чрезвычайного положения в отдельных местностях с 16.00 сегодня, 19 августа ...Государственный комитет по чрезвычайному положению: Бакланов (совет безопасности, что ли?), Крючков (КГБ, понятно), Павлов – премьер, Пуго (милиция?), Стародубцев, Тизяков («военка?»), Язов, Янаев... решения ГКЧП обязательны для всех органов и граждан.*

– Щас! Все по стойке смирно! И с песней – на вечернюю opravку! – С тарелки второпях Ось соскоблил ошметки каши. – Да они хоть понимают, чего ваще и как? Что Горбачев, к примеру, избранный президент, а? А они – никто? – Вдогонку холодной манке полетел стылый чай «Со слоном». – А перестройка-то ваще была? Или ее не было? Я вот все думаю: *такие* вот – дураки или сволочи? Ей Богу, не дураки...

– Чего вы все прыгаете? Чего вы все прыгаете? – Слезящиеся отцовские глаза все не могли слепить в фокус Ося. – Какие тебе еще дураки-сволочи? Сволочи... Дураки... – От кровати, уперев палку в пол, отец циркулем перешагнул к столу. – Они хотят, чтобы в стране порядок был. Тут тебе националы, там тебе мафия... Хватит! Диктатура? А пусть. Лишь бы – порядок!

– Да, еще бы Сталина, – сквозь слезы порывалась мать. – Он бы тебе показал и вот эту дачу, и пчел твоих, и как яблоками на рынке торговать...

– Сталин – не Сталин, а... Порядок должен быть! ...А ты, – отец сгорбился над столом, вглядываясь пристально в Ося, – выбирай-ка ты слова, пожалуйста. Эти у него сволочи, те у него подлецы... Тоже мне, юноша пылкий...

– Да какой я тебе юноша? – Седьмого чайного слона Осю поставило поперек горла. – Да перед тобой лысый мужик, давно за тридцать, а ты... – Точное определение сбежало от обличителя. – Это ты стал стариком и городишь чушь!

– Вот-вот. Вот так р-р-раз – и гражданская война... – погромывивала мать грязными тарелками. – Распадаются семьи, и все. Все кончено тогда...

Отцовское спасибо через светелку снайперски летело в Ося, но тот уже сбежал.

– Выхожу один я...

Дорога дугой рассекала сверкающую пойму Москва-реки: на том берегу из-под синих ив нерешительно тыкалась под шпиль недорученного монастыря, а потом – смотришь – уж скользит, ускользает в изумруды огородов на окраине Коломны.

– Ну, вы уж там, в Москве поосторожней, – мать поправила ремень сумки на Осином плече. – И ты, и твоя Фро...

– Да ладно, ма. То Минин с Пожарским... А то – мы... Две большие разницы.

– Вы вначале все обдумайте там... А уж потом...

– Ты, главное, не волнуйся. Я там посмотрю просто, что к чему... И вернусь – отпуск догуливать...

– Возвращайся, Ось. В любое время... Мы-то с отцом все время здесь. Здесь всегда...

Ось, не глядя, махнул рукой, но, сделав несколько шагов, не стерпел, обернулся. Он чувствовал: она в спину перекрестила его. Она теперь стояла у калитки, под старой корявой вишней, и хоронила от солнца глаза, приставив ладошку. Он снова помахал ей.

– Электричка в десять сорок пять!
– Пока, ма!

Белое, с калач, облачко висело высоко-высоко над пустой дорогой. У заливного золотого озера без пригляду паслись приватные, не колхозные козы. Одна проблеяла робко.

«И их отберут? – Ось поддернул опять поползший с плеча ремень сумки. – А лишние яблони – под топор?» Сызнова все под столоначальников, сызннова – волостной коммунизм на руинах усадеб... Но ведь и руин тех уже нет давно, и пыль их палевую развеяло по свету...

Мучительно было из чрева деревни лезть вовне. Ось снова оглянулся: рыжие, охровые, серые двускатные крыши домиков в садах. Редко где – косая жердь скворешника, давно опустевшего. Позади – своё. Впереди...?

Вглубь капустного поля гуськом вдоль грядок брели понурые солдатики. Последний, малорослый салага, словно беременная баба – живот, тащил охапку пустых мешков. Ни офицера, ни прапорщика при взводе.

Заговорить с дембелем, как бы невзначай, дескать, что да как. Да ты что ли не знаешь ничего? Так – переворот... Два десятка молодых лбов – уже сила. Повести их в центр Коломны, захватить райком (или горком – что у них там?) А если поддержит артучилище? Это уж тысяча курсачей, те же юнкера. А Коломна – райцентр. Целый район Подмосковья – против ГКЧП. Геополитика. Война? Бред...

На мосту через Москва-реку при хибарке с лебедкой мирно покуривали на скамеечке старики-понтонщики. Один – длинноносый, сухопарый; другой – недомерок в кепарике. Из черного рупора на столбе разливалась по-над речкою путчистская радио-трель.

...Эти проблемы требуют дополнительного обсуждения на сессии Верховного совета СССР, а затем и на Съезде народных депутатов страны. Иначе союзный договор не сможет в полной мере выразить заявленную на мартовском референдуме волю советского народа сохранить Союз ССР – великую державу...

– А чё? Теперь вешать надо. – Сухопарый, как складной метр, вдруг разложился во весь рост, зло отщелкнув окурок в воду. – Да перекладину-то в центре города поставить. Чтoб неповадно было апода.

...Вы прослушали заявление председателя Верховного совета Анатолия Лукьянова...

«Горбачеву – со студенчества дружан..., – поежился Ось. – А вот предательство – оно в генах сидит или зараза вроде СПИДа?» Вот и индульгенция «чрезвычайщикам». Через пару-тройку дней соберут съезд нардепов. Те против спикера и пикнуть не посмеют. Какая хочешь путчистская блевотина будет – закон... Ай да Лукьянов! Ай да сукин сын!

А этот-то тут что?

Ражий рыбарь высиживал на понтоне неподвижный колокольчик над стяжнем.

– Ну и как она, рыбка-то?

– Да ни хера, грю.

– А ты что, ничего не знаешь?

– А чё?

– Так переворот же в стране! Горбачева свергли. Какой-то, вроде, чрезвычайный комитет прибрал власть...

Доночник точно не слышал Ося. Из рупора у понтонщиков теперь умиротворенно струилась только классика российских композиторов. Сине-зеленая Москва-река, как и тысячи лет, скатывалась рутинно в Оку-реку.

– Что ж ты, – нажимал Ось, – и не слышал ничего?

– Да вон, грю, понтонщики, вроде, анекдоты травят...

– Так и будешь сидеть?

– А чё?

«Что ли правы путчисты? – Точно от чумного, Ось загрохотал к берегу по шербатым доскам моста. – Опять выползет на площадь кучка героев?» И мокрого места от них не останется? Потому как не поддержит народ? А народ-то – кто? Мальчишки-солдаты на барщине? Вешатель-понтонщик? Или вот этот, которому все – один черт? Кого ж ты защищать сватаешься? От кого? Зачем?

3

Из Шереметьева автомобилем без номеров Шитов был доставлен в один из правительственных особняков на Ленинских горах. Едва отдохнув от тягот многочасового перелета, посол раскрыл томик Фомы Кемпийского, братской рукою выложенный на стол в кабинете. Об одном и том же размышлял Шитов всякий раз, когда ему предстояло подняться на новую ступень масонства: о тех новых, поистине безграничных возможностях, которые открывала ему любовь к простому русскому народу, подкрепляемая его положением в ложе. Через неделю после его приезда министр иностранных дел Бесстрастных вошел около полудня в его комнату с

таким же официальным и торжественным видом, с каким недавно награждал его орденом Знак Почета Председатель Президиума Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов.

– Я приехал к вам с поручением и предложением, Петр Палыч, – сказал министр не садясь. – Лицо, очень высоко поставленное в нашем братстве, ходатайствовало о том, чтобы почетнейший тридцатый градус был присужден вам ранее срока, и предложило мне быть вашим поручителем. Готовы ли вы принять степень *кадоша* и пройти все связанные с этим испытания?

– Я готов, – твердо проговорил посол.

– В таком случае мы можем ехать, – констатировал Бесстрастных. – Катер ожидает нас внизу.

Переодевшись в синюю форму *речников*, дипломаты сошли в сад, но, против ожиданий, министр повел посла не в аллею, ведущую прямо к Москве-реке, а к лабазам и мастерским, которые унылой грядой тянулись вдоль вливавшейся в Москву-реку худосочной речки Сетуни. Здесь Шитов с каким-то новым для себя интересом стал вглядываться в очертания народного быта: пыльные, сонные по полудни задворки; спящих на обочине драных собак; старика-китайца, безразлично покуривающего опий у дверей фанзы; полусгнившие остовы машин; покосившиеся, а кое-где и прянувшие в прах заборы; мускулистого мастерового, звонко правящего на наковальне ржавый гвоздь...

– Любой из этих людей может оказаться шпионом, – усилил его подозрения Бесстрастных. – Однако мы пришли.

В укромном месте, под старою ветлой к берегу Сетуни была причалена лодка. Шитов сел на весла и, плеснув в каждую уключину по пригоршне воды, сделал мощный гребок. Суденышко тотчас же стало цеплять килем торчавшие из дна обрезки проволоки и негодные автомобильные покрышки. Преодолевая пенистый порог, путешествующие несчастливо наскочили на камни: течение стало тут же разворачивать лодку, заваливая ее на бок, и борющийся с рулем легкокостный Бесстрастных едва не был опрокинут в воду. Дело спасли двое дюжих *рабочих*, которые, доселе флегматически посиживая на берегу, споро засучили штаны и, как пушинку, столкнули суденышко с рифа.

– Помогай вам Господь, – пожелал один из них, прощально махая крепкой рукою.

В устье Сетуни стоял на якоре небольшой *паровой* катер, из середины которого торчала черная труба. Утробно рокоча мощным дизелем и лишь для виду пуская из трубы серые дымки, он в четверть часа домчал дипломатов под Кремлевские звезды.

Створки разошлись: катер вошел в просторный, пахнувший сыростью грот, и дальше путешествие продолжалось по тайному тоннелю Неглинки, причудливо извивавшемся, как представлялось Шитову, под Александровским садом. Снова и снова его поражало сходство этой подпольной Венеции с ее итальянским прототипом. Неярко подсвеченные строения здесь были красного кирпича, со стрельчатыми окнами; через каналы кое-где перекинута были горбатые мостики; на площади сиротливо торчала бездействующая, вероятно, с андроповской поры дыба; скучал на углу детинушка-дворник, добродушно потыкивающий метлою увертливую дворняжку.

– Теперь недолго, – заметил Бесстрастных.

Сошедши с катера перед фасадом большого дома, где было помещение ложи, и пройдя по темной лестнице, они вошли в освещенную небольшую прихожую.

– Искренне рад вас видеть в добром здравии и философском расположении духа, Петр Палыч, – без тени улыбки объявил подлинный Бесстрастных, выступая из-за обвешанной кафтанам и шинелями вешалки. Шитов лишь удивился тому, сколь неприметно исчез двойник министра.

Бесстрастных велел послу снять фуражку Речфлота – тот беспрекословно повиновался. Кто-то подошел к Шитову сзади и туго, так, что перед его взором прыгнули синие звезды, завязал глаза шелковым шарфом. Масоны отправились.

Проведенный Бесстрастных по бесчисленным помещениям и лестницам, посол обнаружил себя в совершенно неосвещенной зале. Повязку с него сняли, но на глаза со всех сторон продолжала давить темнота. Человеку не робкого десятка, Шитову однако же стало не по себе: страшная высота степени кадоша предполагала и страшные же испытания для *ищущего*. Одному Богу было ведомо, что могло теперь явиться послу из непроницаемой тьмы глубочайшего подземелья, где бесстрастный поручитель оставил его в одиночестве.

Негромко ударили где-то настенные часы: пробило шесть пополудни, хотя по разумению Шитова никак не могло быть более трех.

Постепенно слева от себя он различил в полумраке мумию Ленина, а справа – деревянную фигуру Бафомета. Искусно сохраненная и расположенная вертикально, мумия давала почти полную иллюзию присутствия в зале самого основоположника СССР. Доселе Шитов видел ее лишь в мавзолее. Появление Ленина сообщало предстоящему действу совершенно новый,

волнующий смысл. Бафомет же, напротив, мало впечатлил посла. Он уже видел идола при получении своей нынешней, двадцать девятой степени, и теперь его рогатая голова и женские груди возбуждали скорее род любопытства, нежели страха.

Дверь открылась – вошел ритор.

Шитов тотчас же узнал в риторе старичка Кагановича, уж в который раз простодушно подивившись тому, что человек этот все еще жив. Каганович долго всматривался в темноту, но, видимо, старческие глаза положительно отказывали явить ему что-либо внятное. Неуверенно, шаркающей походкой прошел он по зале и уселся в кожаное кресло, дрожащей рукою разглаживая на коленях клеенчатый черный фартук. Сделалась пауза.

– Для чего вы пришли сюда? – раздался шепот откуда-то сбоку.

Шитов отчетливо слышал суфлера, но не знал, следует ли уже отвечать. Он стоял перед креслом ритора, неуверенно теребя пальцами обшлага клоунского речфлотовского кителя.

– Для чего вы пришли сюда? – спросил, наконец, Каганович.

– Я хочу обновления, – четко проговорил Шитов.

– Имеете ли вы понятие о средствах... – зашептал невидимый суфлер.

– Имеете ли вы понятие о средствах, которыми наш святой орден поможет вам в достижении цели? – спросил Каганович.

– Эти средства...

– Ну, средства-то, положим, дело десятое, – вдруг перебил испытуемого старый нарком. – А вот скажите-ка, дорогой товарищ, что есть бог?

– Бог есть чудовище, – отчеканил Шитов. – Он изгнал человека из рая, лишает его свободы и предаст мукам смерти.

Ленин удовлетворенно крякнул, Каганович сохранил молчание.

– Хотя сейчас бог господствует, – продолжал ободренный посол, – будущее принадлежит не ему, а Тому, Который всегда стремится на помощь человечеству – Ангелу Света Люциферу. Нам неведомо, когда настанет час Его торжества, но чем больше воинов света соберет наше братство, тем скорее это случится.

Чья-то рука протянулась из тьмы и потеряла Кагановича за плечо.

– Если ваши принципы столь тверды, – проснулся старичок, – я должен приступить к введению вас...

Подойдя к креслу ритора, Шитов заметил подле него на низеньком столике откупоренный графин с темной жидкостью и два наполненных бокала. «Кровь?» – обеспокоился посол.

– Киндзмараули, – с неожиданным добродушием пояснил Каганович, – любимое вино Кобы. А он, – старичок многозначительно указал на мумию, – вина не любил.

Почтительно последовав взглядом за рукою ратора, Шитов успел заметить, как другая его рука на миг задержалась над одним из бокалов, и из тяжелого перстня с головою Адама в темное вино просыпалась струйка белого порошка.

– За братство! – сказал Каганович и протянул руку к бокалам, но, видимо, забыв, который из них чист, несколько замешкался.

– Вот этот, Лазарь Моисеевич, – растроганно подсказал посол, и они выпили.

Снадобье тотчас начало оказывать воздействие на Шитова: тело его сохраняло крепость; в голову же будто накурили дыму. Он ни на минуту не был уверен, наяву или во сне творится с ним все происходящее.

Каганович подвел его к высокой стрельчатой двери и нарочито кашлянул, но тот час же по-стариковски закашлялся, из-за чего они не сразу услышали за дверью стук масонских молотков и скрип циркулей, означавшие, что им позволено войти.

Вошедши, Шитов увидел перед собою покрытый черным треугольный стол, за которым сидели тринадцать членов Совета, все в клеенчатых черных фартуках и черных же полумасках. На председательском месте сидел длинноволосый молодой блондин, в котором посол, хотя и не сразу, узнал дамского парикмахера Птицина, именуемого в салонах стилистом. По правую руку от магистра сидела маска, в которой без труда угадывался всемогущий Фуше перестройки, председатель КГБ Крючков. Еще были тут видный демократический экономист-грек, профсоюзный лидер Просолов, германский предприниматель-газовик, вышибала знаменитой *академии* (биллиардной в парке имени Горького) Мишка Чума и несколько еще масок, не узнанных Шитовым. Все торжественно молчали, слушая Председателя. В стену была вделана горящая звезда.

– В подтверждение верности клятве вам, как бы, не на словах, а на деле предстоит теперь проявить, как бы, мужество и силу воли, – проговорил Великий Мастер.

– Я готов, – механически подчинился посол.

– Пункт один, – вкрадчиво вступил немец. – Я полагаю, вам известно, что главный опасность для Советский Союз сегодня – это пгезидент Госсии Ельцин. Он хошет распада Советский Союз, что подогвет мощь огдена и со отсгочит тгиумф *наш* господь – Ангель Света. Ви это понимаете?

– Так точно, – склонил голову Шитов.

– Gut. Пункт два. Ельцин не победит, если не имеет агмия. Но Ельцин имеет вице-пгезидент, полковник Гуцкой, который может... – несколько замешкавшись, тевтон посмотрел в блокнот и продолжал, – который может пе-ге-ма-нить часть агмия на сторону Госсия. Das ist clar?

– Ja, – вскинулся Шитов.

– Пункте drei! – с особой значительностью провозгласил докладчик. – По гешению Совета, ваше доказательство вегности Люцифер будет казнь полковник Гуцкой, котогый бил нашим богатом, а тепегь есть пленник огдена. Вы должны свегшить пгавосудие над пгезгенным пгедателем.

Шитову завязали глаза туже прежнего, и чья-то властная рука вывела его прочь из залы Совета. Они долго шли узким коридором: шеврон речфлотовского кителя, бывшего на Шитове, то и дело корябал шершавую стену. В затуманенном мозгу поплыли картины многочисленных прежних испытаний: шпаги, направленные в грудь ему; уродливая деревянная кукла, в которую вонзает он кинжал...

– Протяните руки вперед, ладонями вверх, – был ему голос откуда-то сбоку.

На правой ладони Шитов тотчас же ощутил резную деревянную рукоять, а на левой – холодный булат клинка. Он покачулся: его поддержали. Он до боли в пальцах сжал рукоять кинжала и изготовился нанести смертельный удар.

– Приложите руку к сердцу изменника, – раздался тот же голос.

Кто-то твердо перехватил свободную левую руку посла и прижал ее ладонью к теплому живому телу, в котором быстро стучало сердце. От этого прикосновения пленник вздрогнул и сдавленно застонал: отчетливо различалось, что рот его заткнут кляпом.

– Да свершится правосудие! – сказали хором сразу несколько мужских голосов вокруг него.

...

Повязку сдернули: из узкой прорези в обритом боку барана, накрепко прикрученного к высокой скамье, струею била кровь. Масон, изображавший стоны Руцкого (это был лично знакомый Шитову актер МХАТа в ранге *народного*), немедля отступил за спины братьев. Баран еще конвульсивно дергался в путах. Лужа крови на кафеле уже начала растекаться в разные стороны, и кто-то из членов Совета уже наступил в нее, оставив после себя цепочку кровавых следов.

– Одним ударом, товарищи! – восхищенно заключил некто, по выправке – военврач.

Все поздравляли Шитова, по-братски сдержанно обнимались с ним, скользили холодным шелком полумасок по разгоряченному его лицу, избегали встречаться взглядом с испытуемым. По всему чувствовалось: что-то важное, ради чего, по-видимому, и состоялось затянувшееся действие, еще не произошло, но вот-вот произойдет.

– Поздравляю вас, брат, с присуждением вам, как бы, тридцатого градуса масонства, – церемонно произнес присутствующий здесь же Птицин, Великий Мастер. – Начиная с сегодняшнего дня вы, как бы, кадош, *совершенный*.

– Я клянусь... – начал было Шитов.

– Для осуществления казни настоящего Руцкого, изменника и клятвопреступника, – тихо указала маска Фуше-Крючкова, – вам отводится ровно месяц. То есть, не позднее 15 августа сего года при Ельцине должен начать работать наш сотрудник и вольный каменщик – Руцкой-2.

– Тирания падет... – потерянно зажевал посол.

– Будь готов! – взыскующе заглянул ему в глаза Мишка Чума.

– Всегда готов! – твердо отвечал Шитов.

4

У Щура возникло ощущение «боя с тенью». Что означает *выдвинуться к Верховному Совету РСФСР? Войти в контакт с начальником охраны? Организовать охрану и оборону здания силами 2-го батальона Рязанского полка? Кто противник? Кто наши? Генерал раз за разом проговаривал про себя слова приказа, спущенного ему в Тушино, но они так и оставались мертвым набором слов.*

То есть уяснить поставленную задачу не получалось. Как же тогда оценить обстановку, товарищ генерал? Принять решение? Протее, товарищи офицеры?

Вследствие вышеуказанного – все через пень-колоду. Ни снаружи, ни внутри Белого дома Щуру целый час не могли сказать, кто начальник охраны. Наконец, подвели к полковнику милиции, но у того все не получалось унять тремор в руках. «В вашем *камуфляже*, – выдавил, слава Богу, – ехали бы вы отсюда, товарищ генерал». А Паше, чтоб ему пусто, все божья роса: «пошли полковника на хер и ищи батальон». Точно как в сказке:

пойди туда, не знаю, куда. Сделай то, не знаю, что. Сказочники, мать их...

Водитель уазика, Сашка-сержант кожей осязал ярость генерала и по опыту знал, кого в такой ситуации назначат стрелочником. Но выхода не было. Куда ни сунешься – везде урны, палки, проволока. «Баррикады», блядь. Видела бы эта интеллигенция настоящие баррикады, как в Вильнюсе. А уж от «козла»-то сигают – прямо в лужу. А если танк?

– Правее держи, сержант, – зарычал Щур, – правее!

– Есть, товарищ рал. На лестницу?!

– Вперед!

– Есть.

Уазик впритирку, визжа бампером по гранитному парапету, вклинился в расщелину, оставленную с краю баррикады, как видно, для самих баррикадников. Те замахали руками, заулюлюкали, а какой-то в тельняшке еще и пнул «козла» под корму. Водитель стгоряча газанул, но машина, как бешеная, стала подпрыгивать на ступеньках, и он тут же вынужден был сбросить обороты. Уазик кое-как доскакал до конца лестницы, и потом еще какое-то время потерянно катился вдоль набережной.

– Теперь давай направо. Переулок видишь?

– Так точно, товарищ рал.

– Теперь к тротуару. И протри стекла. Самому, небось, противно?

– Так точно.

За первым же углом город уже был как город: редкие прохожие под зонтиками, две-три мокрые машины у тротуара. Водитель осмотрел глубокие, до металла, свежие шрамы на бампере, словно извиняясь, погладил металл ладонью. Потом осторожно увлажнил в грязной лужице тряпку и стал стирать плевки со стекла.

...Первая, до всех баррикад еще, цепочка защитников Белого дома вдруг снова ожила в щуровой памяти. Чего-то ведь они в тот момент за ручки хватались, ждали чего-то. Это им кто-то сказал: будет танковая атака. Латать – не за что хватать: панк-вшивота, полоумная бабка-ельцинистка, инженеришко с «дипломатиком»...

Ну, и *та*: залпом черные кудели, стрела-талья и вокруг лодыжки – черный ремешок... Он – совсем еще не старый, популярный генерал, любой норматив физпо выполняющий лучше рядового молодца-десантника. Она – злюка, москвичка, интеллигентка.

И?..

– Рязанцы!

– Вижу.

Сидящий позади старлей-связист заметил десантников ровно на секунду раньше генерала. Щур поморщился.

– Рули к батальону, – запоздало приказал водителю.

– Есть.

Чего только не было в этот час на Калининском проспекте! Окруженные со всех сторон народом прибудные БТРы (у одного в стволе пулемета – белая гвоздика), развернутые поперек проспекта троллейбусы и груды досок, выволоченных, как видно, с какой-то стройки, да так и брошенных на полдороги. И везде – люди, люди, люди – смеются, суют солдатам банки сгущенки, плачут, чуть не в драку лезут на оробевшего кавторанга...

К родной десантуре генеральский уазик продирался как сквозь джунгли. Рязанцы притулились на погосте столичного долгостроя, в грудах мусора и зарослях лебеды. Построенных ротами ребят с четырех сторон прикрывали ровные шеренги БМД. Но ядовитое бардачное море уже захлестывало и этот, единственный в округе, островок порядка. Здесь москвичи невзначай разговорили механика-водителя, там не ровен час докричатся до ротного. Вот-вот забродит сусло. Только пива из него не выйдет. Слякоть одна – с привкусом крови...

– Товарищ генерал, наконец-то!

– А где тут у вас лобное место?

– Виноват?

– Да вот тут и образуем.

Генерал поднялся на бетонный блок – к трибуне отовсюду потянулись слушатели.

– Товарищи! – Щур поискал глазами *злюку*, но не нашел.

– Майор! – визгливо, по-женски. – Неужели вы будете в нас стрелять?

– Да он не майор, – насмешливо. – Он *генерал-майор*.

Меня линчевать собираются, а я, сука, о бабах. По месту прописки твоя злюка. Мужу-доценту дает.

– Генерал! Вы помните, чему присягали?

– Товарищи! – раскатил Щур во всю грудь. Ясно одно: надо кратко и четко. Размажешь – заткнут. Тут же найдутся и златоусты из толпы. Тогда пиши пропало: батальон потерял, приказ не выполнен. Секир башка тыбе, командыр...

– И повторяю, – закончил Щур, – десантники прибыли для взятия под охрану Верховного Совета РСФСР. Пока обстановка неясная – куда, что... Но задача уточняется. А если кто забыл...

– он сделал красноречивую паузу, – армия есть детище народа. Стрелять в народ она не будет!

Двое или трое слушателей вразнобой захлопали, тетка помачала над головой пестрой тряпкой – российским триколором, студентик еще продекламировал: «Долой хунту!» Но в общем и целом бой был выигран.

Щур спрыгнул на землю.

– Товарищ полковник! – громко, чтобы слышали *все*, обратился к комбату. – Приказываю: механикам – обслуживать технику. Остальным – оборудовать места ночлега, натянуть палатки, вырыть туалет.

– Сортир поглубже копайте, – порекомендовали из народа.

В толпе посмеялись и медленно, как бы нехотя, стали расходиться. Кто куда.

– И смотри, комбат, – тихо, только для своих уже, продолжал Щур, – по всему периметру выставишь парных часовых. Сменять – каждые два часа. Агитаторы сейчас – главная опасность. Батальон у тебя должен быть боевой единицей, а не бандой анархистов. Проследи.

На вершину государственной власти Щура вознесло впервые в жизни. И поэтому дух у него слегка захватывало: высоко! Но голова не кружилась, работала четко.

«Короля играет свита, верно...» – думал генерал, шагая вслед за Спинжаковым по запутанным коридорам Белого дома. В «команде» Ельцина Щур совсем не помнил людей. После смерти Сахарова там остались только голые функции. И не было ни одного заметного лица. Было разделение функций.

«Тут, если охранник, – Щур окинул взглядом полушария спины Спинжакова, – так уж это Охранник. Если тайный советник – генерал вспомнил холодную пядь Скатова – так уж это Тайный Советник, режиссер – Режиссер, вор – Вор. И так дальше».

Притом президентская свита была раздута до безобразия. Первых свитских генерал приметил еще за три этажа до президентского. Две тетки в крахмальных наколках вкатили в спецлифт крытый крахмальной салфеткой столик – так, что сразу стало ясно, для кого. А потом, по мере приближения к *телу*, всяких охранников, помощниц, вельмож, секретарш, постельничих становилось все больше и больше. И суету они производили несусветную. «Небось, думают, это у них демократия, – кривил губу Щур, – а это – говно».

Дурее всего показались генералу потуги ельцинской охраны соорудить подобие баррикад в коридорах. На подходе к прези-

дентскому кабинету пришлось обходить несколько завалов из хлипких книжных шкафов, столов и стульев. При каждом дежурили крепкие парни: штатские или менты. У всех были автоматы. Никакого серьезного оружия внутри Белого дома Щур не увидел.

Рота десантников, будь ей поставлена задача добраться до Ельцина, одолела бы коридорную фортификацию за десять минут. Ребята из «Альфы» – за пять.

– ...А вы бы повели войска на штурм? – вдруг прервал его Ельцин, глядя генералу прямо в глаза.

– Я человек военный, товарищ президент России. Я присягу давал.

– А кому... – Ельцин сделал многозначительную паузу, – вы давали присягу?

– Горбачеву. Но он сейчас неизвестно где...

– Значит..? – вопросительно приоткрытый президентский рот был полон крупных крепких зубов.

– Приказ у меня – охрана и защита здания российского Верховного Совета. Я уже докладывал. Других приказов пока не получал.

Ельцин поднялся из-за стола, шагнул к окну и сквозь жиденькие жалюзи стал смотреть куда-то вниз, на баррикадников, наверное. Его белый «дипломатический» бронезилет остался висеть на спинке рабочего кресла.

– Вы бы поосторожнее у окошка-то, Борис Николаевич, – напыжился Спинжаков.

Президент не отвечал. Скатов потрогал галстук. Пауза затягивалась.

– Разрешите высказаться, Борис Николаевич, – вступил вице-президент Руцкой, пуша усы.

Ельцин даже не шелохнулся. Он словно ждал: что сделает каждый из присутствующих, чтобы помочь своему президенту принять окончательное решение. Но ждать себя заставляли слишком многие – и Руцкой, и ближайшие советники-советчики, и генералы, каждый из которых мог сыграть и вашим, и нашим. И тысячи три строителей баррикад внизу. И еще миллиард «цивилизованного мирового сообщества», которое пока не предложило ничего иного, кроме как укрыть его в американском посольстве. Его, президента России...

Генерал Щур и полковник Руцкой обменялись полувзглядами.

– Я лично знаю Алексея Ивановича Щура еще с Афганистана, – вновь нарушил молчание вице-президент, – с войны...

Война! Ельцин сразу ожил. От окна он вернулся к столу столь воодушевленный, будто тут его ожидали штоф водки и добрая

закусь, а не полдесятка политиков с лицами пустынников. Война! И никаких тебе мировых проблем, понимаешь.

– Продолжайте! – сказал президент.

– Я считаю, что в сложившейся обстановке, – продолжал Руцкой, – батальон под командованием генерала Щура должен быть включен в систему обороны Белого дома.

– Продолжайте, Алексей Петрович, – торопил его Ельцин. – Замолчал, понимаешь.

– Теперь надо решить, – голос вице-президента, в прошлом – летчика-истребителя, зазвучал ровно на полтона ниже, – где лучше определить позицию батальону.

– Может быть, пригласить Кобеца? – вставил Скатов.

– Подожди с Кобецом, Юрий Владимирович, – президент нахмурился. – А шта скажет насчет расположения своего батальона генерал Щур?

– Решение простое, Борис Николаевич, – уверенно пророкотал генерал. – С приданными разведчиками мы имеем четыре роты. У здания четыре стороны. По роте на сторону – вот решение.

Ельцин вновь отошел к окну. Внизу мельтешил человеческий муравейник. Черные рабочие человечки двигались, вроде, абсолютно бессмысленно, но при этом рыжее бревнище, похожее сверху на сухую сосновую иголку, ползло безошибочно к ближайшей баррикаде. За те полчаса, что здесь, в президентском кабинете тянулся тяжелый, напряженный разговор, баррикады еще чуть прибавили в росте. Или мерещится?

«По роте на сторону... – раздражался президент. – Ишь какой стратег! Станем проигрывать, ударит в спину. А выиграем – в очередь за звездами первый встанет. ... Да еще Руцкой этот... Сидят, переглядываются, думают, Бога за бороду взяли. Шта тот сапог, понимаешь, та и этот. Или все же сговорились о чем-то всерьез? Тогда как – меж собой? Или, может, – с теми?»

– Какое примем решение, Борис Николаевич? – на правах *второго* опять прорезался Руцкой.

«Примем», – механически отщелкнул счетчик в голове у Ельцина.

– Я думаю, Александр Иваныч, шта не так важно, какое тут решение примем *мы*, – Президент в упор посмотрел на вице-президента. – Тут самый важный вопрос другой. – Он перевел глаза на Щура. – Вопрос, пропустят ли ваш батальон *они*. – И Ельцин кивнул куда-то за окно, в пространство Москвы.

– Виноват, не понял, – признался Щур.

– *Они*, – президент с удовольствием наблюдал, как на крутой

лоб Щура крупным бисером выкатывается испарина. – Россияне, – пояснил он, наконец, – защитники Белого дома.

– Так точно. Вопрос самый важный, – Щур вдруг стал изъясняться чуть быстрее обычного. – Имею печальной опыт шапкозакидательства и оплевывания. Прошу...

Ельцин едва заметным жестом подозвал Спинжакова.

– Передайте Кобецу, – произнес вполголоса, – чтоб собрал ополченцев, у каких, понимаешь, хоть какой авторитет. Пускай они посмотрят на генерала. А он – на них.

Начнешь за упокой, кончишь за здоровье. Это бывает. Однако чудно: вот, вроде, совсем потоп... И вдруг разом – просветление на небеси...

Двойная игра Руцкого – это понятно: Руцкому предать – как два пальца обоссать. Уже ж перебежал от коммунистов к демократам. Теперь недорого возьмет, дернет обратно.

Но Ельцин – загадка. Ведь вся же информация у человека – и от дружанов-партийцев, и от всяческих там двойников, гадов, и от иностранцев. Полностью владеть обстановкой и... самому себе на шею удавку накинуть... Целый батальон, не хухры-мухры...

А как это он про баррикадников-то... *Россияне...*

Или тут расчет, что на баррикадах обратают десантуру? Что заралят ребят чумой бардачной? Что на жалость возьмут? Что к неподчинению командирам склонят? Что заставят по своим стрелять?

Хрен вам в рыло, господа дерьмократы. Вояка-профи вам не по зубам. По краям обкусаете, а середка целая останется.

Сдюжим. К тому же бой – явление двустороннее. Последним смеется тот, кто стреляет первым.

5

Фро не было.

В холодильнике бесприютно серел кусок «Останкинской» – из останков, ясен пень, не из Останкино. Под ножом продукт расползался картонными волокнами, хотя и пах олоколбасно.

На фирме Фро респондировало инкогнито, объяснило: «Всех распустили». Спасибо вам за экспликации, благородный аноним.

Ни черта не получалось. «Спидола» исчезла. За двадцать лет скрипучие *вражьи голоса*, видно, в пыль поистратили прибалтийскую электронику. Только прах и вспархивал из углов, где прежде жила рижанка.

Ось произвел блиц-обзвон друзей-приятелей, но либо того, кого надо, не было, либо не было вообще никого.

С бутербродом наперевес диссидент передислоцировался в комнату, к телевизору. На двух программах бесстрастно насилывал виолончель нордический подросток с пробором а-ля Гитлер-югенд. Другие два канала плевались в любопытствующих ошметками черноты.

Что делать?

Несытому кассетнику Ось скормил *самопальную* концертную запись трио Ганелина. «Далее следует...»

Весной восемьдесят первого (десять лет, что ли, прошло?) джазовый фестиваль запустили в совсем еще нецелованный после Олимпиады «Краб» на Лужнецкой набережной. По ту сторону Москва-реки свистали соловьями Ленинские горы, черные-черные на бледно-зеленом фоне заката.

В антракте знакомый шестидесятник показал юным Протокиным спецбуфет под сценой. Всесоюзно обожаемый джазовый вождь Балашов там одарил Фро казенным розаном со стойки бара...

Утром Фро взяла «Спидолу» и – ?

...То есть сколько-то свободы тебе перепадает и в империи – украсть, соврать, съехидничать. Эжопов язык. Кухонные революции: низвергай кого хочешь.

Потом свободно можешь настучать на вчерашних сонизвергателей. Свободно ведь могут и они на тебя.

Свобода совести. Свободно притащился за тридевять земель поглазеть на Крестный ход в Новодевичьем, свободно получил по кумполу милицейской дубинкой, свободно поехал домой.

Свободные цены на колхозном рынке: пришел, купил кулек семечек, идешь – свободно плюешь под ноги.

Свободный выбор спальных гарнитуров ценой от десяти инженерских зарплат и выше. Свободно зашел отабуретить кухню, свободно поглазел на гарнитуры, свободно вышел.

Первые бронетранспортеры Ось увидел за Никитскими, у ТАССа. Гражданский транспорт, жужжа, по уважительному радиусу объезжал *броню*.

В арсенале Ося имелись удостоверение с.н.с. Института Латинской Америки да складной зонтик японской фирмы «Три слона». Против спецназа – самое то.

– По какому случаю парад-то? – поинтересовался у каски над люком.

Служивый лишь шмальнул синим глазом в лазутчика.

– Я говорю, майские-то прошли давно. – Ося трягнуло. Адреналин, гад. – А до октябрьских, вроде, далековато будет.

– Да не знаю я... Все вон подходят..., – застенчиво прорезалась белозубая стрелецкая улыбка. – А мы-то че?.. Приказ ить...

Над броней, обрамленные кожей шлема, взошли скулы Чингис-хана. Скулы задвигались – синеглазый скрылся.

– Ну, правильно, бдительность! – Заглянуть степняку в глаза Ось так и не сумел. – Правильно действуешь, лейтенант.

Нарочито неторопливо вольнодумец тронулся от Никитских к Пушкинской. Лопаткам было неловко: в них уткнуто было дышло чингис-ханова пулемета. Калибр – 12,7, электропривод, обрывками вспоминалось Осю из военного перевода. Тонкую броню прошьет насквозь. Человеку – кранты с гарантией.

Нет! Нет предела тупости человек на бульваре: что живчика-совслужащего, что зачарованной мамыши с коляской для близняшек, что своры тинэйджеров, бутылочку «Жигулевского» запустившей коллективистски по кругу.

Что еще нужно сделать, чтобы ты – пусть не полез себя защищать – хотя б пуганулся всерьез? Вот, вроде, бандитский ствол уж заткнул тебе в глотку. Чего ж тебе боле, добрый человек?

Вот она, милая!

Колонна демонстрантов поршнем гнала к Никитским последние заполошные легковушки. «Долой хунту!» – кривыми буквами поперек плаката. Раззявленный клюв «пикейного жилета» на тротуаре.

Через чугунную ограду парка Ось сходу перескочил на мостовую.

– Куда идем-то? – спросил у какого-то длинного, с рукой на перевязи.

– Да на Краснопресненскую.

– А чего там?

– Да Ельцин. Президент российский. Слыхал про такого?

– Да фамилия, вроде, знакомая.

– Ну, вишь...

Январь?

В январе 91-го спецназы захватили вильнюсский телецентр, положив полтора десятка безоружных защитников. На следующий день, у Моссовета демонстрантов собралось не так уж и много, сотни две. Но, продравшись через центр, они перегородили половину Калининского проспекта, заставив машины по-черепашьи тащиться следом.

Лидер процессии – начальническая черная «Волга», – слегка даже игриво подтолкнула Ося под задницу. Тот, не обернувшись, двинул каблуком прямо в желтую «противотуманку». «Перевернем на хуй!» – охолонули полезших было разбираться *волгарей*. Те смекалисто опять спрятались под свой панцирь.

На голом балконе посольства простоволосая литовка без стеснения рыдала в голос. «За вашу и нашу свободу!» – окутывался паром митинг время от времени...

Вильнюс – цветочки?

– Янаеву – позор! – промегафонил бело-голубой, с глазами -угольями, Пьеро.

– По-зор! По-зор! По-зор! – плавно заколыхалось многоголосье.

Ось оглянулся: над серединой колонны размахивали черно-красным флагом анархистствующие акселераты. Следом за матерью порядка, в арьергарде брело еще с полдюжины бомжей. Всё.

– Крючкова, Язова, Пуго – в отставку!

– В от-став-ку! В от-став-ку! В от-став-ку!

«Чего стоит Чингис-хану шмальнуть по нам через сквер?» – вдруг спросил себя Ось. Не станет, пожалуй. Деревья помешают. Если только они не переставили БТРы на позицию поудобнее...

– Чего с рукой-то? – поинтересовался Ось у длинного.

– Да в цеху. С будуна. Херня, в целом.

– А сам откуда?

– С Пушкинской площади. Там народу – лом. Один говорит: Ельцин в Белом доме. Ну, мы и двинули.

– Да нет, я не в том смысле. В смысле, сам-то – москвич?

– Не, из Дмитрова. Пошел с утреча на перевязку, а тут – вон чего... Из травмопункта даже домой не заходил. Еще жена прицепится. Ну, не жена, так живем. Но все равно!

– Ну?

– Ну, и на электричку. Прямым ходом в Москву. Что же, меня будут ебать, а я – знай, подвазелиниваться?

По спуску от Садового кольца – к Белому дому, что ли? – покатались мастодонтоподобные бронетранспортеры, последние троллейбусы, грузовики с морпехами, матерящиеся миротворцы... Но внизу стояла баррикада. Осю не верилось, что две садовые скамейки, мусорный бак и несколько сломанных досок смогут удержать всю тяжесть советской армии и флота. Однако, прогнувшись дугой, они – вместе с баррикадниками – держали пока.

Рыдающая женщина вдруг не выдержала – бросилась к БТРу. Истукленно она колотила кулачком по броне. Воины во чреве китовом безмолвствовали. Лишь брызгами разлетелся «Полет» на запястье декабристки.

Осина колонна породила без числа речек и ручейков. Сквозь рахитичные заграждения они легко просочились к Белому дому.

Перед Домом правительства народ все более прогуливался, почитывал листовочки, постебывался. Из-за спины кто-то сказал: был грандиозный митинг, добровольцам раздадут автоматы. Ось сразу обернулся, но отличить рассказчика от слушателей было уже невозможно. Какие на хрен автоматы? Начинался дождь.

Поперек эстакады, при въезде на пандус, раскорячился КРАЗ. Трехосный тяжеловоз был огромен, но и двухрядная эстакада была не узенькая. В зазор между бампером грузовика и парапетом эстакады взволнованные юноши то и дело насовывали всякий хлам, но его отодвигала свободно фланировавшая публика. Ось тоже пролез в невзначай открывшийся проход.

Он не помнил, почему, но отчетливо помнил, когда. Впервые внешнему, чужому *распорядку* он противопоставил свое внутреннее «я» еще в детском лесном санатории под Звенигородом.

Фтизиатры снова и снова ставили ему диагноз «туберкулезная интоксикация», и он снова и снова попадал в санаторий.

За нарушения санаторского распорядка «белые халаты» сажали Ося посидеть в новехоньком ГДР-овском холодильнике. До помрачения рассудка продлевали упряму лечебную горчичную ванну. На целую ночь выкладывали в спальном мешке на замороженную хрустящую террасу.

Он не подчинился.

Его причислили к *отпетым*. Считалось, что на остальных детей он воздействует разлагающе.

Ему вменяли двусмысленные злодеяния с идеологическим душком: скажем, тысяча первую кражу очков полуслепой бурятской девочки Светы Цыденовой. (Национализм). Или – поджег трансформаторной будки. (Вредительство). Красавице-главврачу на Ося доносил лично дедушка-вахтер Веор Федулович, отставной вахмистр и ворошиловский стрелок.

Его снова наказывали – и за дело, и так.

Он не подчинился.

«Белые халаты», наконец, приписали Осю роль застрельщика сексуальной революции, за которую они приняли внезапную перекрестную влюбленность школьной группы. Однако стукачи